

«страха божиа не имеа», князь приказал «связати ему руце и нозе и камень на вью его обесити и вьврещи в воду». Ростислав «от ярости» не пошел в монастырь. Через два дня братия нашла Григория мертвого в келье, связанного, с камнем на шее, «ризы же его еще мокры, лице его беаше светло, сам же аки жив» (стр. 99). Келья была заперта, и не было никого, кто бы мог принести тело старца. У Триполя «побегоша наши от лица противных», Ростислав «утопе с всеми своими вои» (стр. 99). Так исполнилось предсказание Григория. Поликарп заканчивает рассказ рядом цитат из «писания» о наказании «опасно обидящих».

В основе этого легендарного рассказа лежит воспоминание о том, что 24 мая 1093 г. в битве с половцами у реки Стугны потерпело поражение войско Святополка Изяславича и братьев Всеволодичей — Владимира и Ростислава. Переправляясь во время бегства через эту реку, Ростислав утонул. Повесть временных лет сочувственно вспоминает, что «Ростислава же искавшие обретоша в реце», принесли в Киев и здесь во время погребения не только мать оплакала его, но и «вси людье пожалиша ся по немь повелику, уности его ради». Никаких сведений о характере юного князя летопись не сообщает. С полным сочувствием отмечает и «Слово о полку Игореве» печаль матери и всей природы, вызванную ранней смертью «уноши» Ростислава. Тем примечательнее резко отрицательная характеристика этого князя в Киево-Печерском патерике. Ростислав изображен здесь заносчивым жестоким юношей, который не только не защитил монаха-старца от «срамных словес» своих отроков, но и приказал утопить его, а потом в нарушение обычая молиться перед походом в монастыре не пошел туда. Смерть князя — наказание прежде всего за это нарушение, и легенда подтверждает это ссылкой на судьбу другого Всеволодича — Владимира: он благополучно переправился через Стугну потому, что получил благословение в монастыре. Основная тенденция всего патерика, утверждающего особую силу печерской «святыни», нашла свое выражение в этом объяснении гибели Ростислава. При всей явно тенденциозной легендарности этого рассказа не может не возникнуть вопрос: почему именно князь Ростислав изображен так открыто осудительно? Не отразились ли в его литературном портрете реальные черты его характера, не сказалось ли уменье автора легенды подметить эти черты и, отойдя от «этикетных» приемов изображения князей лишь в их государственных делах, объяснить повседневное поведение князя особенностями его индивидуального характера и вместе с тем сознанием его ничем не сдерживаемой власти над подданным?

Много внимания уделил рассказ о Прохоре Лебеднике совсем неслесной характеристике Святополка, беззаконно согнавшего с Киевского стола своего старшего брата Изяслава: он в Киеве «много насилия людем сътвори, дома сильных до основания без вины искоренив, имена многих отъем» (стр. 106). Святополк изгонял в Туров в заточение печерского игумена Иоанна, обличавшего его жадность и насилия. Он обнаружил не только свою жадность, но и двуличие, когда втайне от торговцев солью задумал сам обогатиться на ней спекуляцией. В отличие от летописи, где в характеристиках князей описываются «действия и поступки, но не психологические причины, их вызвавшие»,²⁹ патеричный рассказ раскрывает «помыслы» Святополка, затеявшего обмануть киевских купцов, и его настрояния, когда ему стали известны чудеса Прохора. Вот как откровенно описывается здесь хитрый замысел Святополка нажиться на продаже соли горожанам (в летописи нет ни слова об этом столкновении Святополка

²⁹ Д. С. Лихачев. Изображение людей в летописи XII—XIII вв., стр. 12.